

УДК 159.923.2

Д.Г. Дьяков¹, Е.В. Майсеёнок²¹канд. психол. наук, доц., директор Института психологии

Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка

²магистрант каф. общей и организационной психологии

Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМЫХ ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА**

Целью исследования является выявление особенностей процесса самоидентификации у интернет-зависимых лиц юношеского возраста. Для реализации этой цели с опорой на выстроенную в русле культурно-исторического подхода оригинальную нормативную модель самоидентификации разработана экспериментальная методика ее исследования, содержащая задания, направленные на изучение сформированности функциональных блоков этого процесса. Показано, что функциональная структура самоидентификации у лиц юношеского возраста с интернет-зависимостью обнаруживает существенные количественные и качественные отличия по сравнению с функциональной структурой самоидентификации в норме. Статистически значимыми являются различия между контрольной и экспериментальной группами в сформированности самоидентификации как высшей психической функции, а также в развитии подфункции становления знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию в роли субъекта определенной социокультурной практики, и подфункции формирования идентификационных конструкторов.

Введение

Проблема идентичности является одной из наиболее обсуждаемых в современной психологии, представляя интерес как для зарубежных, так и для отечественных исследователей. В последнее время ее активно разрабатывают ученые, представляющие различные психологические направления: Х. Тэджфел, Дж. Тернер, Г. Брейкуэлл, Дж. Марсиа, И. Гоффман, М. Синнирелла, А.В. Визигина, Н.Л. Иванова, М.А. Лаппо, О.В. Лукьянов и др.

Помимо проблемы формирования личностной и социальной идентичности в настоящее время исследователями обсуждаются также вопросы, связанные с формированием «виртуальной идентичности» – самоидентификации человека в интернет-пространстве [1–5]. Так, идея субъектных и асубъектных отношений в интернет-среде развивается в работах Е.И. Богомоловой [6]. Виртуальная среда представляется исследователем в качестве богатого ресурса для самовыражения и наиболее простого способа формирования идентичности, что объясняется минимизацией социальных барьеров в сети Интернет [6]. По мнению Е.И. Богомоловой, люди не переносят свою истинную идентичность в виртуальный мир, а формируют «себя нового» в виртуальной среде, ориентируясь на неограниченную свободу выбора идентификационных категорий, что может привести к размыванию границ реального и виртуального мира и формированию искаженной интегральной идентичности [6].

Исследователи отмечают, что в наибольшей степени подвержены интернет-зависимости лица юношеского возраста [7]. Главной задачей на этом этапе является приобретение личностной зрелости путем окончательного формирования Я-концепции, самооотношения и самореализации в социуме. В то же время чрезмерная увлеченность виртуальным миром оказывает влияние на их реальную идентичность [8]. В исследовании А.Е. Жичкиной и Е.П. Белинской было выявлено взаимовлияние реальной и виртуальной идентичностей и сделан вывод о том, что высокая степень идентификации молодежи с реальной социальной группой снижает уровень активности в сети Интернет, а также идентификацию с виртуальной социальной группой и наоборот [9].

Дж. Семпси и К.С. Янг в своих исследованиях в качестве причин образования виртуальной личности выделяют мотивационный и поисковый компоненты. Эти авторы считают, что возникновение виртуальной личности, не соответствующей реальной, может свидетельствовать не о расширении границ проявления собственной идентичности, а о ее изменении как попытке отдалиться от социума, что чаще выражено у лиц с интернет-зависимостью [7]. В процессе самоопределения в реальном социальном мире, как отмечает Sh. Turkle, лица юношеского возраста, экспериментируя с виртуальными образами, могут сформировать виртуальную идентичность, отражающую их фантастическое или идеальное Я, изолирующую от взросления и участия в реальном социальном мире [1].

Н.Н. Казнова выделяет виртуальную языковую личность как образ, созданный человеком в Интернете и имеющий в качестве основы идеальное или даже фантастическое «Я» человека [10]. Виртуальная идентичность, по мнению Е.Л. Солдатовой и И.А. Шляпниковой, чаще формируется на основе сложностей в поиске себя в реальном мире либо отказа от принадлежности к какому-либо миру. Эти факторы могут явиться предпосылкой для развития интернет-зависимости [8].

Несмотря на значительный интерес исследователей к процессам «виртуализации» идентичности у лиц, страдающих той или иной степенью зависимости от пребывания в сети Интернет, проблема самоидентификации как специфической социально-личностной компетенции у лиц этой категории оставалась до недавнего времени вне поля зрения исследователей. Вместе с тем изучение функциональной структуры самоидентификации у интернет-зависимых позволит получить представление о влиянии такой зависимости на становление самосознания в юношеском возрасте.

Таким образом, цель исследования – определение качественных и количественных характеристик функциональной структуры самоидентификации у лиц юношеского возраста с интернет-зависимостью.

Гипотеза исследования, аргументированная в том числе результатами приведенных выше работ, заключается в том, что показатели развития самоидентификации как высшей психической функции и всех ее подфункций у лиц юношеского возраста, страдающих интернет-зависимостью, будут значимо ниже, чем у их сверстников, не имеющих такой зависимости.

Методология исследования

Методологическим основанием для изучения интернет-зависимости стала концепция К. Янг, согласно которой интернет-зависимость определяется как навязчивое желание нахождения в сети Интернет и невозможность своевременного выхода из нее [7]. В основе исследования самоидентификации лежит функциональная модель этого процесса, разработанная в русле культурно-исторической психологии Д.Г. Дьяковым [11–13].

Методика. В качестве инструмента изучения интернет-зависимости был использован разработанный К. Янг «Тест на интернет-зависимость», адаптированный В.А. Лоскутовой [7; 14]. Тест является инструментом для психодиагностики патологического увлечения Интернетом. Участники исследования заполняют тест индивидуально. Возможности теста заключаются в отборе интернет-зависимых лиц, требующих консультации специалиста. Исключается возможность постановки медицинского диагноза на основе методики, так как интернет-зависимость не включена на данный момент в перечень психических расстройств (МКБ-10). Тестовые вопросы выстроены на основе понимания интернет-зависимости как поведенческого пристрастия и эмоциональной зависимости со следующими симптомами: наращивание дозы (увеличение времени пользования Интернетом), изменение формы поведения (интернет-активность заменяет реальную деятельность личности), формирование синдрома отмены. Участник

отвечает на 40 вопросов по 5-бальной шкале согласия, после чего баллы суммируются. Общий балл по тесту позволяет отнести участника к определенной группе: 20–49 баллов – обычный пользователь Интернета, 50–79 – чрезмерное увлечение Интернетом, 80–100 – интернет-зависимость.

Методика исследования самоидентификации базируется на выстроенной нами модели самоидентификации [11; 12]. В соответствии с ней *самоидентификацию предлагается определять как психический процесс знаково и символически опосредствованного отношения человека к своим действиям как к реализуемым в определенной социальной роли, опирающимся на единообразные ценности и составляющим целостную индивидуальную историю субъекта.*

В соответствии с нашей моделью самоидентификация реализуется в трех основных функциях (выступающих в качестве подфункций по отношению к самоидентификации как психической функции): 1) становление знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как целостного субъекта определенной социальной практики; 2) аксиоматизационно^{*}-детерминированный отбор и последующее интегрирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории, а также целей субъекта при помощи знака (формирование идентификационных конструктов); 3) обеспечение символически опосредствованного единства идентификационных конструктов, а также социокультурных контекстов, в которых реализуется каждый из таких конструктов в сознании субъекта, и, как следствие, эмпирическое апплицирование личностных ценностей и предельных смыслов, конституирующих взаимодействие субъекта с миром (формирование метаидентификационного конструкта) [11–13].

Экспериментальная методика, разработанная нами с целью исследования функциональной структуры самоидентификации, направлена на изучение степени сформированности этой структуры и включает три экспериментальных задания, обеспечивающих исследование состояния каждой из обозначенных выше подфункций самоидентификации.

Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации

Процедура исследования. В рамках данного задания каждому участнику исследования предлагалось ответить на вопрос «Кто я?». На ответы было дано три минуты. Ответы фиксировались психологом, а затем по его просьбе ранжировались участником по критерию субъективной значимости. После ранжирования оставалось три ответа, отражающих наиболее значимые для субъекта содержания самоидентификации. Предлагаемые участниками исследования категории мы рассматриваем в качестве знаков, фиксирующих определенный тип социальных практик, реализуемых ими. Исследователем анализируются предложенные категории, исходя из наличия в них ориентированности на погружение человека как целого в определенную социальную практику.

Определение уровня развития подфункции сформированности знака как орудия самоидентификации. Сформированность данной подфункции оценивается на основании анализа трех ответов, отражающих наиболее значимые для субъекта практики взаимодействия с миром. Третий (самый высокий) уровень развития самоидентификации предполагает имплицитную заданность в идентификационной категории модели определенной социальной практики. Примерами ответов такого рода являются категории «спортсмен», «художник», «ученик», «девушка», «хулиган» и т.д. На втором уровне развития данной подфункции предлагаемые участниками исследования категории характеризуются «освобожденностью» от ориентированности на реализацию социаль-

^{*} Аксиоматизация определяется И.М. Розетом как один из основных механизмов изменения субъективной значимости [15].

ных практик и выступают лишь элементами «мозаики» образа его собственной личности. Примерами таких ответов являются категории «красивая», «слабохарактерный» и т.д. На первом уровне развития данной подфункции участник исследования обращается к категориям, апеллирующим к содержаниям его предметной деятельности («я хожу в школу», «играю в теннис», «занимаюсь шахматами в секции» и пр.). Нулевой уровень самоидентификации предполагает невыполнение участником исследования предлагаемой психологом инструкции.

Исследование сформированности идентификационных конструктов

Процедура исследования. Данное задание предполагает ориентацию на отобранные участником в ходе выполнения первого задания категории самоидентификации. Участники исследования работали с двумя группами объемных геометрических фигур, которые предлагались в качестве объектов-заместителей феноменов взаимодействия субъекта с миром, осуществлявшегося в разные периоды жизни. Участник исследования мог выбрать любые фигуры (как разные, так и одинаковые) и в любом количестве для того, чтобы облегчить себе процесс расположения во времени определенных событий жизни. Разные формы фигур были не существенны с точки зрения интерпретации результатов и предлагались лишь с той целью, чтобы позволить участнику различным образом пространственно объективизировать события прошлого и события, относящиеся к планируемому будущему.

Далее для идентификационной категории, выбранной участником в рамках первого задания, ему предлагалось расположить во временной последовательности события жизни, в которых он проявил себя как носитель социальной роли, предполагаемой соответствующей категорией. Затем исследователь просил участника составить на основе единства этих событий автобиографическое повествование. Такая процедура осуществлялась по отношению к каждой из трех выбранных в рамках первого задания категорий.

Определение уровня сформированности идентификационных конструктов.

Критерием полной сформированности данной подфункции (третий уровень ее развития) является нарративность индивидуальной истории субъекта, способность организовать во внешнем предметном плане обусловленное соответствующей социальной практикой единство разнесенных во времени событий взаимодействия с миром, что рассматривалось как символическое свидетельство организующей функции знака как средства формирования идентификационного конструкта. На втором уровне развития данной подфункции участник исследования находит в пространстве своего опыта события, характеризующие его как актора соответствующей социальной практики в различные периоды времени, но оказывается не способен составить на их основе автобиографический нарратив. На первом уровне участник исследования фиксирует события своей жизни, характеризующие лишь один из ее временных векторов. Наконец, нулевой уровень развития данной подфункции характеризуется неспособностью идентифицировать в сознании события, выступающие коррелятами осмысливаемой социальной практики.

Исследование интегрированности идентификационных конструктов

Процедура исследования. В рамках задания изучается сформированность мета-идентификационного конструкта субъекта. Участнику исследования предлагались три объемные геометрические фигуры (кубы), обладающие в силу пластичности материала свойством вариативности. Затем участнику необходимо было выбрать грани кубов, на которых он расположит свои ответы, полученные в рамках первого задания (т.е. идентификационные категории). Для расположения идентификационных категорий участник исследования мог выбрать одну, две или три фигуры. Предложенные

участником в рамках первого задания ответы записывались психологом на бумаге и прикалывались участником на выбранные им фигуры. Если категории были расположены на гранях одного куба, участнику также предлагалось придать этой фигуре символизирующую его форму.

Определение уровня сформированности подфункции интегрированности идентификационных конструктов. Количество выбранных участником исследования фигур мы рассматривали как проявление степени единства и согласованности идентификационных конструктов, а также внутренней однородности ценностных ориентаций, на которых базируются социальные практики, зафиксированные в идентификационных конструктах субъекта. Предполагалось, что свидетельством полной сформированности этой подфункции будет выбор субъектом для расположения всех трех наиболее значимых идентификационных категорий одной фигуры, символизирующей единство его идентификационных конструктов, интегральную целостность переживания индивидуальной истории, а также возможность придания ей уникальной, символизирующей именно этого субъекта формы. Второй уровень самоидентификации характеризуется расположением двух идентификационных конструктов на гранях одной фигуры, тогда как третий конструкт располагается в ответах данного уровня отдельно. Первый уровень развития этой подфункции предполагает расположение каждого из конструктов на отдельной фигуре. Такую ситуацию мы рассматривали как символическое проявление внутренней рассогласованности интегральной идентичности человека, а также разнородности ценностных и смысловых оснований самосознания субъекта. Нулевой уровень предполагает невозможность решения задачи по размещению идентификационных конструктов на гранях предложенных геометрических фигур.

Процедура и участники исследования

На предварительном этапе нами было осуществлено исследование участников (общим количеством 130 человек) на предмет наличия интернет-зависимости при помощи методики К. Янг, адаптированной В.А. Лоскутовой [14]. По результатам исследования участники были разделены на три группы: участники без зависимости от использования Интернета (56 человек); участники, находящиеся в «пограничном состоянии» по критерию наличия зависимости от Интернета (43 человека); участники, характеризующиеся зависимостью от Интернета (31 человек). Во второй части исследования приняли участие испытуемые первой и третьей групп. Из первой группы методом рандомизации было отобрано 25 человек, не имеющих интернет-зависимости. Эти участники составили контрольную группу. В экспериментальную группу (также рандомизировано) были отобраны 25 участников из числа оказавшихся в группе интернет-зависимых по итогам теста К. Янг. Участники обследовались индивидуально, работа каждого из них с методикой занимала в среднем 50–60 минут. Результаты фиксировались в разработанных бланках ответов и затем были проинтерпретированы экспертом-экспериментатором, не знакомым с основными гипотезами данного исследования.

Таким образом, в исследовательскую выборку, участники которой были задействованы на основном этапе исследования, вошли 50 студентов юношеского возраста (18–22 года) из высших учебных заведений города Минска (БГПУ, БГУ, БНТУ), которые составили две группы, отличающиеся по критерию наличия зависимости от Интернета.

В контрольную группу и группу лиц, страдающих интернет-зависимостью, вошли по 25 участников, из которых в контрольной группе 8 мужчин 18–22 лет и 17 женщин 19–21 года; в группе зависимых 7 мужчин 18–19 лет и 18 женщин 18–21 года.

Статистический критерий

Для определения статистически значимых различий между функциональной структурой самоидентификации у интернет-зависимых лиц юношеского возраста и их ровесников без интернет-зависимости был применен χ^2 -критерий Пирсона, позволяющий сравнивать распределения частот у выборок вне зависимости от нормальности их распределения, где под частотой принято понимать количество проявлений какого-либо события. В рамках данного исследования событие – проявление определенного уровня развития функции самоидентификации в каждой из групп участников.

Результаты и обсуждение

Количественный анализ сформированности функциональной структуры самоидентификации у участников исследования представлен в таблице.

В ходе исследования самоидентификации как высшей психической функции выявлены значимые различия между группами. Так, у интернет-зависимых участников исследования преобладает нулевой уровень, что свидетельствует о несформированности самоидентификации как целостного процесса ($\chi^2 = 16,4$ при $p = 0,00094$). Следует отметить также, что ни один из участников группы интернет-зависимых не обнаружил высший уровень развития самоидентификации, в то время как в контрольной группе обнаружена представленность ответов каждого из уровней развития этого процесса. В целом же можно сделать вывод о том, что самоидентификация как психическая функция является менее сформированной у лиц юношеского возраста с интернет-зависимостью в отличие от их сверстников в норме.

Таблица. – Соотношение уровней развития самоидентификации у участников в норме и с интернет-зависимостью по трем блокам методики, абс./%

	Уровни	Норма	Участники с интернет-зависимостью
Блок I	0	-/0	-/0
	1	-/0	-/0
	2	3/12	11/44
	3	22/88	14/56
Блок II	0	-/0	-/0
	1	1/4	13/52
	2	9/36	10/40
	3	15/60	2/8
Блок III	0	-/0	-/0
	1	15/60	16/64
	2	8/32	5/20
	3	5/20	4/16
Общий уровень	0	-/0	11/44
	1	12/48	8/32
	2	9/36	6/24
	3	4/16	-/0

Выполняя задание «Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации», участники как в норме, так и с зависимостью продемонстрировали второй и третий уровни сформированности способности использовать знаки в качестве орудий самоидентификации. Статистический анализ данных подтвердил различия в уровне сформированности данной подфункции у лиц с интернет-зависимостью и у представителей контрольной группы ($\chi^2 = 7,71$ при $p = 0,00548$). Участники из контрольной группы продемонстрировали преобладание третьего (максимального) уровня

развития данной подфункции, при этом в группе зависимых также представлен третий уровень, однако он значительно реже встречается у представителей данной группы и выражен почти так же, как и второй. Таким образом, данная подфункция является более сформированной у представителей контрольной группы, чем у лиц, страдающих интернет-зависимостью.

Данные, полученные в ходе выполнения участниками задания № 2 «*Исследование сформированности идентификационных конструктов*», свидетельствуют о том, что лица, не имеющие зависимости, обнаруживают высшую степень сформированности идентификационных конструктов, позволяющую объединять социокультурно локализованный индивидуальный опыт взаимодействия человека с миром в единое автобиографическое повествование (автобиографический нарратив). Представители группы интернет-зависимых демонстрируют преимущественно второй уровень развития этой подфункции, не позволяющий конструировать автобиографическое повествование, посвященное индивидуальной истории реализации социокультурной практики, предполагаемой выбранной ими идентификационной категорией. При сравнении развития подфункции сформированности идентификационных конструктов в исследуемых группах выявлены статистически значимые различия между ними (где $\chi^2 = 15,12$ при $p = 0,00052$).

Изучение у участников функции формирования метаидентификационного конструкта (при помощи третьего задания) показало, что в обеих группах она представлена с преобладанием первого уровня. Данная подфункция в целом является слабо сформированной у лиц юношеского возраста. Статистический анализ данных не подтвердил наличия значимых различий между группами участников ($\chi^2 = 0,66$ при $p = 0,71605$).

Качественный анализ. Рассмотрим наиболее яркие особенности выполнения заданий методики, характеризующие качественное своеобразие репрезентации отдельных подфункций участниками исследуемых групп. Обратимся к заданию «*Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации*».

В обеих группах участников подфункция представлена в основном ответами двух уровней: третьим, характеризующим ориентированность участника на социокультурную детерминацию своей деятельности, и вторым, характеризующим ориентацию на подчеркивание отдельных физических или личностных свойств. Интернет-зависимых участников исследования отличало преимущественное акцентирование на отдельных личностных свойствах, в то время как участники в норме объективизировали социокультурную направленность идентификационных категорий. Отличительными чертами в развитии данной подфункции в группе интернет-зависимых лиц также стали сложности в ранжировании предлагаемых категорий и их меньшее количество в ответах в рамках первого задания методики. Ответы третьего уровня у некоторых интернет-зависимых участников выражались в выборе идентификационных категорий из «виртуальных» социальных практик («геймер», «друид», «обзорщик»). В целом анализ ответов участников экспериментальной группы свидетельствует, что лица с интернет-зависимостью склонны к описанию своих личностных черт вместо ролевых функций в обществе, что может отражать их меньшую вовлеченность в реальные (не виртуализированные) социокультурные практики и слабую идентифицированность с реально существующими социокультурными группами.

Обратимся к заданию «*Исследование сформированности идентификационных конструктов*». В отличие от большинства участников контрольной группы, которые демонстрировали способность построения автобиографического нарратива, в группе интернет-зависимых была выявлена фрагментированность структуры индивидуальной истории, эмпирически фундирующей идентификационную категорию. Так, у участников нередко возникали сложности с выделением из личного опыта событий, характери-

зующих их как акторов социальной практики. Например, была выбрана идентификационная категория «дочь»/«человек»/«мужчина», в обоснование которой предлагалось следующее повествование: «Дочь, потому что мама с папой родили, и как по-другому я стану дочерью» / «Я всегда таков был, как может быть иначе?» / «Мужчиной родился и буду им» и т.д. В случаях, когда ситуации, иллюстрирующие принадлежность субъекта к выбранной им социальной практике, все же объективизировались, участники экспериментальной группы демонстрировали, как правило, частично-опытный тип идентификационных конструктов, что выражалось в обозначении только одного временного периода (прошлого либо будущего) для эмпирической аргументации самоидентификации (более подробное описание типов самоидентификации представлено в [12]). В отдельных случаях зависимые от Интернета участники оказывались не способны выстроить автобиографический нарратив при возможности актуализации в памяти соответствующих событий прошлого, а также планов, ориентированных в будущее.

Подобные ответы можно рассматривать как следствие нечеткости временных границ жизненных этапов человека в связи с частичным замещением реальной автобиографии ее виртуальным эквивалентом, не предполагающим эмпирической (привязанной к хронотопу) аргументации принадлежности к одной из виртуальных социокультурных категорий. Еще одним фактором выявленных закономерностей можно считать некоторую хаотичность социальных интеракций и фрагментированность социальных отношений человека в Интернете, что приобретает особую важность в условиях преобладания последних в структуре его социальных отношений.

Обратимся к заданию «Исследование интегрированности идентификационных конструктов». Подфункция, исследуемая при помощи данного задания, сформирована в обеих группах преимущественно на первом (фрагментированность идентификации, отсутствие целостной репрезентации своего «Я» в сознании) и втором (полуфрагментированность идентификации) уровнях. Преобладание дезинтегрированности и частичной фрагментированности идентификационных конструктов в обеих группах может быть интерпретировано как отличительная особенность юношеского возраста, характеризующего личностным и профессиональным самоопределением и, как следствие, отсутствием целостности, динамичностью и внутренней подвижностью метаидентификационного конструкта.

Заключение

В ходе исследования выявлены значимые различия между лицами юношеского возраста в норме и их сверстниками с интернет-зависимостью в формировании самоидентификации как психической функции. Выявлены значимые различия между лицами юношеского возраста с интернет-зависимостью и в норме также в развитии двух (из трех) подфункций самоидентификации: становления знака в качестве идентификационной категории и формирования идентификационных конструктов. Таким образом, гипотеза о том, что уровень развития самоидентификации у участников без интернет-зависимости выше, чем у лиц, страдающих такой зависимостью, подтвердилась частично.

Качественный анализ показал, что интернет-зависимых участников исследования отличает преимущественная направленность на подчеркивание в идентификационных категориях отдельных свойств личности, в то время как участники в норме объективизировали социокультурную направленность ответов; также представителей экспериментальной группы отличают сложности в ранжировании предлагаемых категорий.

В отличие от контрольной группы, представители которой оказались способными к построению автобиографического нарратива на основе идентификационных категорий, участники экспериментальной группы отличались сложностями в выделении

из личного опыта событий, характеризующих их как акторов определенной социокультурной практики, а также в объединении разрозненных событий своей социальной истории в единую внутренне логически связанную событийную последовательность, что может объясняться некоторой хаотичностью социальных интеракций и фрагментированностью социальных отношений человека в Интернете в условиях преобладания последних в структуре его социальных отношений.

Дезинтегрированность идентификационных конструктов, выявленная в обеих группах участников, может быть интерпретирована как специфическая особенность юношеского возраста, характеризуемого личностным и профессиональным самоопределением и, как следствие, отсутствием целостности, динамичностью и внутренней подвижностью метаидентификационного конструкта личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Turkle, Sh. *Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs* / Sh. Turkle. – New York : Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1997. – P. 143–155.
2. Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. – Ростов н/Д : Изд-во Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк., 1999. – 246 с.
3. Дрепа, М. И. Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии / М. И. Дрепа // *Знание. Понимание. Умение*. – 2008. – № 2. – С. 189–193.
4. Войскунский, А. Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета / А. Е. Войскунский // *Психол. журн*. – 2004. – № 1. – С. 75–83.
5. Жичкина, А. Е. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей Интернета / А. Е. Жичкина, Е. П. Белинская // *Труды по социологии образования*. – М., 2000 – С. 11–15.
6. Богомолова, Е. И. Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия / Е. И. Богомолова // *Человек. Сообщество. Управление*. – 2014. – № 2. – С. 104.
7. Young, K. S. What makes the Internet so addictive: Potential explanations for pathological Internet use? / K. S. Young. – Chicago : Annual Meeting of the American Psychological Association, 1997.
8. Солдатова, Е. Л. Эго-Идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости / Е. Л. Солдатова, И. А. Шляпникова // *Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Психология*. – 2010. – № 27. – С. 66–74.
9. Жичкина, А. Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста : дис. ... канд. психол. наук / А. Е. Жичкина. – М., 2001. – 199 л.
10. Казнова, Н. Н. Трансформация языковой личности в Интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Н. Казнова ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2011. – С. 10–13.
11. Дьяков, Д. Г. Исследование самоидентификации у лиц, страдающих шизофренией: количественный и качественный анализ / Д. Г. Дьяков, Н. П. Радчикова, Е. С. Малаховская // *Сибир. психол. журн*. – 2015. – № 57. – С. 102–123.
12. Дьяков, Д. Г. Типология и функциональная структура самоидентификации как высшей психической функции / Д. Г. Дьяков // *Педагогическая наука и образование*. – 2015. – № 2. – С. 11–18.
13. Дьяков, Д. Г. Ценностные ориентации и самоидентификация личности: феномен кольцевой детерминации в психологии / Д. Г. Дьяков // *Наук. вісн. Херсон. держ. ун-ту. Сер. Психологічні науки*. – 2014. – Вип. 1. – Т. 1. – С. 36–44.

14. Лоскутова, В. А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 14.00.18 / В. А. Лоскутова ; Новосибир. гос. мед. акад. МЗ РФ. – Новосибирск, 2004. – Режим доступа: <http://user.lvs.ru/vita/avtoreferat.htm>. – Дата доступа: 20.02.2016.

15. Розет, И. М. К вопросу о психологической природе идеалов / И. М. Розет // Адукацыя и выхаванне. – 1994. – № 10. – С. 70–78.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.05.2016

Dyakov D.G., Mayseenok E.V. The Functional Structure of the Self-identification of Young Adults with Internet Dependence

The aim of this article is to identify the characteristics of the process of self-identification of persons with Internet dependence in youthful age. To achieve this goal, we have developed an experimental technique of research of identity containing the tasks aimed at studying the formation of the functional blocks of this process. This technique is based on the original normative model of identity constructed in line with the cultural-historical approach. It is shown that the functional structure of the self-identification of persons in youthful age with Internet addiction reveals significant quantitative and qualitative characteristics in comparison with the functional structure of this process in norm. There were revealed statistically significant differences between the control and experimental groups in the formation of identity as a higher mental function, as well as in the development of the formation of a sign as a self-identification tool and in the development of the self-identification constructs.